

— Стихи госпожи Оно-но Комати нынче просто нарасхват, — раздался негромкий голос Дорё. Он переступил порог, бережно прижимая к груди тонкую книгу.

— И то правда, слог у неё невероятно изящный, — кивнула Сакуя и с лёгким беспокойством добавила: — На улице так льёт, ты не промок?

— Ливень и впрямь стеной, но по дороге сюда он немного утих, так что мне повезло, — улыбнулся Дорё. — Зонт я оставил в прихожей. К слову, Сакуя, ты так и не обзавелась слугами. Неужели тебе удобно управляться со всем в одиночку?

— Какая разница? У меня ведь есть сикигами, — беспечно отозвалась Сакуя.

Она бросила взгляд на темнеющий за окном сад, где вновь разыгрывалась непогода, и ленивым жестом указала на подсвечники. Тотчас, повинуясь её воле, в полумраке комнаты вспыхнули тёплые огоньки свечей.

— Лучше скажи, брат Дорё, с каких пор ты стал следить за поэтическими веяниями столицы?

— Да так... Просто негоже нашему наставнику ударить в грязь лицом перед императором, — вздохнул Дорё, раскрывая принесённый свиток. — Взгляни, эту книгу написал младший брат господина Фурукавы.

— О? Тот малец?

Сакуя удивлённо приподняла брови и скользнула взглядом по ровным, летящим строчкам на тонкой бумаге.

«Какой изящный почерк. Похоже, дела у него пошли на лад»

Она невольно улыбнулась.

— Должно быть, — отозвался Дорё, мало интересовавшийся каллиграфией. Куда больше его занимал смысл. — Стихи действительно великолепны.

— Это правда, — согласилась Сакуя. Имя Оно-но Комати сейчас гремело по всему городу. — Говорят, её стихи представил ко двору сам господин Фудзивара, младший советник?

— Да, именно он, — Дорё тихо вздохнул, и лицо его посерьёзнело. — Что до советника Ёритики... Сакуя, тебе лучше держаться от него подальше.

— Вот как? К чему ты это, брат? — Сакуя озадаченно склонила голову. — Мы и так не имеем

дел с господином Ёритикой. К тому же, насколько мне известно, они с нашим учителем, мягко говоря, не ладят.

— Всё из-за брата Докэя... — при упоминании старшего ученика Дорё недовольно нахмурился.
— Он настолько очарован талантом Оно-но Комати, что спит и видит, как бы выпросить у советника встречу с этой красавицей.

— Надо же...

Сакуя лишь покачала головой. Впрочем, подобное её не слишком удивило — в эпоху, когда изящный слог ценился превыше всего, безумных почитателей у поэтов хватало во всех сословиях.

— У брата Докэя наконец-то появился интерес помимо запylённых трактатов по искусству инъ-ян. Неудивительно, что тебе неловко читать ему нотации.

— И то верно. К тому же даже прославленный мастер Абэ-но Сэймэй — искуснейший поэт, в чём наш учитель ему, увы, заметно уступает, — развёл руками Дорё.

Из вежливости он не стал поминать главу клана Камо, господина Ясунори, зная о непростых семейных узах Сакуи.

— Правда, когда я в последний раз столкнулся с Докэем, то не удержался от колкости. Теперь он меня откровенно избегает.

— Спасибо за твои заботы, брат, — Сакуя с почтением поклонилась.

Асия Доман воспитал четверых учеников. Докэй, самый старший из них, был без остатка предан тайным учениям и днями напролёт пропадал в медитациях и тренировках, мало интересуясь младшими сотоварищами. Дорё, недовольный таким пренебрежением со стороны старшего брата, добровольно взял на себя заботу о приютившей их обители. Сакуя была третьей по старшинству, а самым младшим стал Дотин, вошедший в круг учеников всего два года назад.

Судьба Сакуи среди них была, пожалуй, самой необычной. Наследница благородного рода Камо, чью грудь украшал родовой знак великих мастеров инъ-ян, она разделила бы участь обычных знатных дев, если бы не упрямство сородичей. В клане Камо полагали, что женщинам не место среди онмёдзи. Лишь благодаря заступничеству Асии Домана она смогла прикоснуться к тайному искусству.

В те времена большинство мастеров верило, что женская природа по своей сути несёт начало инъ, а значит, борьба со злыми духами потребует от них вдвое больше сил и может даже навлечь беду.

Однако Асия Доман мыслил иначе. Обе его дочери обладали редким даром к онмёдо, и он не желал, чтобы их жизнь свелась к роли безликих придворных красавиц. Он щедро делился с ними знаниями, а когда узнал о незавидной доле изгнанной из семьи Сакуи, без колебаний взял её под своё крыло.

Сакуя до глубины души ценила этот поступок. Принять в ученицы девушку, от которой отрёкся могущественный клан Камо, означало открыто бросить вызов столичной знати. За своё упрямство Доман не раз навлекал на себя гнев самого императора.

Убедившись, что Сакуя вняла его предостережениям, Дорё согласно кивнул.

— В таком случае я оставляю эту книгу у тебя. Встретишь Докэя — отдай её ему. И обязательно напомни, чтобы он держался подальше от господина Ёритики.

— Хорошо, брат, положись на меня, — заставила себя улыбнуться Сакуя.

— Вот и славно. Пережду ливень и пойду, пожалуй, — улыбнулся Дорё.

Разумеется, Фурукава Кэн не имел ни малейшего представления о разговорах, что велись в обители великого онмёдзи. Получив десять дней назад неслыханное для него богатство, он тут же поспешил в Онмё-рё, чтобы скупить всё необходимое для создания книг. Кэн трудился не покладая рук, бережно сшивая тонкой иглой собственноручно переписанные страницы. Движения его были предельно осторожны: не дай бог уколоть палец и окропить кровью чистую бумагу.

Чтобы переплётывы выходили безупречно ровными, ему пришлось испортить не один десяток листов, прежде чем рука набилась как надо.

Спустя несколько дней упорного труда плоды его стараний наконец-то приняли достойный вид. Однако продавать их вразнос на улицах столицы было нельзя — утончённые столичные эстеты мигом подняли бы его на смех, посчитав за обычного торговца-оборванца.

Но удача оказалась на его стороне. Едва Кэн закончил работу и задумался, как привлечь покупателей, Оно-но Комати благодаря покровительству советника Ёритики произвела настоящий фурор на императорском пиру. Слава о новой непревзойдённой поэтессе в одночасье облетела весь Хэйан-кё.

Каждый вельможа и грамотей жаждал прочесть стихи новоявленной любимицы муз, а слухи о её неопишуемой красоте лишь подогревали всеобщий интерес.

Конечно, доверять столичным сплетням — гиблое дело: будь Комати и впрямь столь прекрасна,

император давно забрал бы её в свои покои. Но кого волнует правда, когда дело касается столь волнующих слухов?

Пользуясь моментом, ученики Онмё-рё принялись осаждать скромного писца расспросами о стихах Комати, и Кэн не упустил свой шанс. Он тут же пустил в ход свои аккуратные переплетённые сборники.

Труды оправдали себя сполна. Книжки выглядели настолько изящно, а каллиграфия была столь искусна, что вся первая партия разошлась в мгновение ока.

Всего за декаду Кэн выбрался из беспросветной нищеты. Его нынешнее «богатство» составляло ровно десять золотых рё. Увы, прыгнуть выше головы не позволял круг покупателей — у бедных учеников водились лишь гроши, да и преподаватели не спешили раскошиться. К тому же здешний курс обмена золота на серебро подчинялся совершенно безумной логике: один к шестнадцати.

Впрочем, игровой магазин, словно почуяв, что его владелец больше не перебивается с хлеба на воду, мигом обновил ассортимент. На витрине появились новые товары:

[Повреждённый свиток призыва — 20 медных монет]

[Позволяет призвать духа ранга N или R]

[Трёхзвёздная митама (снаряжение сикигами) — 600 медных монет]

[Купон на облик сикигами — 30 медных монет]

[Внимание: доступные облики отсутствуют]

«Ну надо же, какая "забота"!»

Подобное издевательство могла выдать только его несносная система, вечно вымогавшая из него последние гроши.

Полученные десять рё он решил пустить на то, чтобы наконец-то разнообразить свой рацион. Сколько можно давиться пресными рисовыми колобками! Кроме того, следовало отблагодарить соседей, которые столько времени поддерживали его в трудную минуту. Спустя пару дней Кэн раздал долги, накупил гостинцев, отложил монеты на материалы для будущих книг... И обнаружил, что оставшейся мелочи хватит лишь на пару расколотых амулетов призыва.